

Виктор ВИНОГРАДОВ

<Рец. на кн.: *Якобсон Р. Новейшая русская поэзия: набросок 1: Виктор Хлебников. Прага, 1921*>

Задача работы Р. Якобсона — дать описание поэтического языка Виктора Хлебникова. По мысли автора, его брошюра «рабочий эскиз типа диалектологических заметок «об особенностях». В действительности же к заметкам «об особенностях языка Хлебникова» здесь присоединены размышления о задачах «науки о литературе», о методах исследования поэтического языка, о литературном приеме и его мотивировке.

Исходя из мысли, что «поэзия есть язык в его эстетической функции», и что «наука о литературе, если хочет стать наукой, принуждается признать прием своим единственным «героем», Р. Якобсон настаивает на необходимости в историко-литературных изысканиях придерживаться методов лингвистики. Основной путь науки о языке — это путь от настоящего к прошлому, от наблюдений над живою речью к заключениям о тайнах окаменелой структуры языка былых периодов.

В поэтическом языке современности яснее выступают три момента, без установки которых немислимо лингвистическое изучение, — «наличная поэтическая традиция, практический язык настоящего и предстоящая данному проявлению поэтическая тенденция».

При изучении языка поэтов прошлого все эти три момента — искомые и трудно определяемые величины.

Так ссылками на методы диалектологии обоснован интерес к языку современных поэтов, и наука о литературе подменена поэтической лингвистикой, которая, как ясно и из анализа языка Хлебникова, сделанного Р. Якобсоном, совсем не покрывает понятия истории литературы.

Вместе с тем необходимо пожалеть, что автор не задумался глубже над принципиальным различием двух отделов лингвистики — диалектологии, которая изучает языковые шаблоны, характеризующие тот или иной диалектический коллектив, и стилистики, которая исследует индивидуально — творческие системы употребления и расположения слов в их преемственности и взаимодействии, не создавая абстракций, более широких, чем «стиль школы».

Несмотря на отсутствие строгой классификации материала и на явную склонность к эстетике футуризма, в описании языка Хлебникова виден опытный и знающий лингвист с уклоном к фонетическим изысканиям, но без большого интереса к синтаксису и семантике, как и следует ожидать от сторонника футуристической эстетики, стремящейся, как к пределу, к заумной речи.

Понятие о слове, как одном из звеньев в цепи психических ассоциаций, затушевано. Попытки установить пути движения словесных и образных ассоциаций, в поэтическом «языковом мышлении» Хлебникова не сделано.

Композиция его произведений, т.е. способы расположения слов и изменения синтаксических схем под влиянием художественно компоноющих факторов (эвфонического, ритмического и др.), — не разъяснена в достаточной мере.

И все же, несмотря на фрагментарность изложения, работа Р. Якобсона в той части, которая описывает язык Хлебникова на фоне языка внутренне родных ему поэтов, заслуживает внимания и признания.

Но как только от этой темы Р. Якобсон, уклоняется в сторону построения общих принципов теоретической поэтики, из лингвиста он превращается в дилетантствующего субъективиста, который подгоняет под формально-логические схемы, к тому же нередко заимствованные извне, напр., у Потебни, разнородные по своему семасиологическому характеру факты. Напр., сопоставлены, как проявления одного «приема», «прибакулочка» («квашня женщину месит, я и усмехнул, а квашни не понравилось, она хватит печь из лопаты, хотела ударить, я через штаны скочил»...) и отрывок из «Невского проспекта» Гоголя «Все пред ним окинулось каким-то туманом; троттуар неся под ним; кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы; мост растягивался и ломался на своей арке»...). Едва ли лингвист признает эти словесные построения однородными.

Вместе с тем на пути к широким теоретическим обобщениям Р. Якобсон потерял свою методологию.

И «временам Пушкина», напр., он приписывает свое восприятие стихов Ломоносова:

Брега Невы руками плещут,
Брега Балтийских вод трепещут.

Смею его уверить, что этот «ломаносовский троп» не был «дерзостным» и «во времена» Ломаносова. Это — обычная для Ломаносова реминисценция из Псалтыри: «рѣки восплещутъ рукою вкупѣ»... (97, 8).

